

На соискание Государственной премии СССР

Свет собственного производства

О КНИГЕ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО «ВИТРАЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕР»

Андрей Вознесенский, кажется, никогда не был «начинающим». Критика отмечала, что период ученичества поэта остался «за сценой». Прошло почти двадцатилетие после его дебюта; мы помним, как уверенно зазвучали тогда «Мастера»: «...воители, ваятели, слава вам!»

Придя в поэзию из архитектуры, Вознесенский, наделенный видением живописца и слухом музыканта, соединил краски и звуки в одном празднестве перекликающихся слов. Поэт стал зодчим речи, возбравшей радугу искусства, так что цвет звучал, а звук светился. Стихи поражали столкновением ярмарочного и трагического.

Поэма «Мастера» славилась дивом народного таланта, русский характер. Национальные традиции — у истоков поэзии Вознесенского. И вот этот дар неожиданно оказался сродни глобальным ритмам двадцатого века, что вспыхнули в стихах Вознесенского каскадом внезапных метафор. Одна из своеобразнейших книг поэта — «Треугольная груша» — содержит ряд молниеносных снимков

заокеанской цивилизации, исторгающей у своих жертв отчаянное «идет всемирная Хиродима, невыносимо...»

Вознесенский прошел настойчивый путь поисков убедительной простоты, не отказываясь от динамичного стиля, развивавшегося к духовности и достоверности. На этом пути значительной удачей Вознесенского явилась поэма «Лонжюмо», принятая читателями как яркое событие нашей стихотворной Ленинианы. Выношенное убеждение вложено в финал поэмы: «На все вопросы отвечает Ленин».

Поэт обрел масштабную гуманистическую тему. «Все прогрессы — реакционны, если рушится человек», — утверждает Вознесенский в поэме «Оза». Таков, в сущности, неизменный лейтмотив его книг (которых больше десяти) вплоть до недавней под символическим названием «Выпусти птицу!»

Так работает поэт: оставаясь собой, рождается вновь. В книге «Витражных дел мастер» Вознесенский и узнаваем, и не-

узнаваем. Стремительный, неуловимый, дерзкий... И вдруг: «Милые рожи застенчивой родины...» Конечно, эта «обычная» ниточка «продернута» в рисунок необыкновенный. А простое: «Исповедую луг у Оби...» не так-то просто и прямо. В самом земном у Вознесенского сохраняется некое «марсианское сияние». Черты непосредственности включены в поэзию «витражную», «архитектурную». И все-таки чаще и чаще — голос, лирика, психологизм.

Книги Вознесенского проблемны, программны. «Витражных дел мастер» — проблема человека. Сборник предваряется стихотворением «Памятник», поэт посвятил его своему отцу. Это портрет человека в человеке, сына в отце, отца в сыне: «Я — памятник отцу...» Человек — продолжающееся, но и неповторимое чудо: «От Волги по Юкон пусть будет знаменито, как, цокнув языком, любил он землянику». В клятве сына разрешается противоречие смертного и живого: «...вмещаю ипостась, что не до-

сталась кладбищу, — Отец — Дух — Сын». Так провозглашена идея книги: человеческое не откладывается на завтра, вечное свершается ныне.

Живите не в пространстве,
а во времени,
минутные деревья вам
доверены,
владейте не песами,
а часами,
живите под минутными
домами,
и плечи вместо соболя
кому-то
закутайте в бесценную
минуту.

Камертоном книги вправе быть и стихотворение «Ностальгия по настоящему». Поэт чувствует «не по прошлому ностальгию — ностальгию по настоящему». Игра слова дает серьезный смысл: подлинное, истинное, настоящее пусть будет сегодняшним, настоящим. «Все из пластика — даже рубища, надоело жить очерковым». Образ «витража» в стихотворении «Хобби света» — образ неподдельного,

личностного, оплаченного судьбой: «Свет должен быть собственного производства», «свет не может быть купленным или продажным». «Витражных дел мастер» — мастер света, а свет, в представлении поэта, — совесть. В книге Вознесенского настойчив нравственный пафос. И отрицанием: «Не верю в истину циника». И утверждением: «Есть русская интеллигенция. Выдумали — нет? Есть. Не масса индифферентная, а совесть страши и честь». Вершина книги — прекрасное стихотворение «Смерть Шукшина»:

Хоронила Москва Шукшина,
хоронила художника,
то есть
хоронила страна мужика
и активную совесть.
Он лежал под цветами
на треть,
недоступный отныне.
Он свою удивленную
смерть
предсказал всенародно
в картине.
В каждом городе он лежал
на отвесных российских
простынях.
Называлось не кинозал —

просто каждый пришел
и простился.
Он сегодняшним дням как
двойник.
Когда зябка курил он
чинарик,
так же зябка, подняв
воротник,
вся страна в поездах
и на нарах.
Он хозяйственно понимал
край как дом — где
березы и хвойники.
Занавесить бы черным
Байкал
словно зеркало в доме
покойника.

Стихотворение о Шукшине есть драматичное возвеличение человека, стремление разрешить проблему человека в осознании нравственного смысла жизни — «минуты» бессмертия, коль это «минута» совести.

Я вовсе не хочу сказать, что «Витражных дел мастер» одинаково удачен в каждом стихотворении. Когда свет ослабева, «витраж» предстает конструкцией...

Недавняя книга Вознесенского контрастна — от лирики до гротеска, от робости до издевки — и публицистична, страстна: «...вызывает в нас Время, как ребенок под сердцем».

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ.